

И. КОНДРАКОВ

РАССКАЗЫ ИЗ ЦИКЛА:

***ЗАПИСКИ
КОМАНДИРОВОЧНОГО....
(зарисовки 90-х годов)***



Минеральные Воды -2012

ТАПОЧКИ



Вся наша жизнь полна стереотипов. Порою они начинают довлеть над нашим сознанием, мышлением, делая его совершенно нетворческим, стандартным. Мы уже на одно и то же реагируем все одинаково. К примеру: на реплику "Эта вещь импортная" - у большинства, как у собак Павлова на условный рефлекс, начинает формироваться стереотипная мысль: "Импортное, значит качественное". На отечественное же формируется чувство безразличия: не качественное, немодное и т.п.

Вопреки сложившемуся стереотипу, при покупке, вроде бы, и щупал, и мял, ну разве что только на зуб не пробовал итальянские зимние сапоги. Жена говорит: бери, ибо импортные... Признаться честно, не лежит душа к импортной обуви - потому как она рассчитана на их условия: они ведь в Италии люди темные - не знают что у нас еще не перевелась грязь, слякоть. Ведь не случайно и наши художники-передвижники запечатлели ее во множестве своих картин, которые относят к мировым шедеврам... А потому наша родная ленинградская обувная фирма, соблюдая традицию, точала отечественную обувь - она хоть и без европейского дизайна, - однако ж покрепче, да и поноснее будет. Ей все ни почем: ни грязь, ни слякоть, ни дождь - все терпит, родимая. Потому при покупке на нее, родимую, исходя из ее потребительских качеств, глаз положил. Но жена,

прельстившись внешнему виду продукции "макаронников", настояла на покупке импортной обуви - итальянских сапог. А тут, как в наказание, пришло время ехать в командировку из заснеженного Красноярска в сам Нижний Новгород.

По пути в Нижний пришлось еще заехать в Арзамас, где сапоги мои, словно рекламируемые прокладки, добросовестно впитали в себя содержимое арзамасских улиц, дав интуитивно почувствовать, что они будут это делать с утра до вечера, и, до Сибири в них мне не доехать. Дело-то было в конце зимы. Еще лежал тающий снег, наполняя воздух сыростью, а где по утрам и морозы еще пощекотывали нервы.

Спрогнозировав грядущую ситуацию, и то, что европейское качество - это то, что хорошо для Европы, а мне же еще предстоит в этих "прокладках" ходить более недели, заранее на автовокзале Арзамаса купил тюбик клея "Момент". Ибо уже на подходе к автовокзалу подошвы сапоги стали заметно отходить от той части, к которой они были приклеены итальянскими халтурщиками одноименным клеем. При этом они становились похожими на вытянутые от удивления, физиономии итальянских туристов, раскатавших губу получить только эстетическое удовольствие от знакомства с неизвестной им Россией и увиденного, а потому пытающихся, со свойственным только им темпераментом, выказать свое неудовольствие местными тротуарами, внесших в их эстетический мир элементы дискомфорта.

Скорым временем подошвы стали заметно приоткрывать свои узкие и вытянутые рты, издавая при каждом поднятии ноги чавкающие звуки, словно голодный итальянец, заглатывающий любимые макароны после годового воздержания.

Купив билет на автобус, и найдя свободное место в зале ожидания, стал дожидаться времени отъезда. Вспомнив, что у меня с собой всегда есть прочные капроновые нитки, решил привязать подошвы к сапогам, чтобы хоть как-то добраться потом с вокзала до нижегородской гостиницы. Клеить подошвы было нельзя - сапоги насквозь промокли и создавали ощущение, будто бы на ногах не они, а детские памперсы после длительной прогулки.

Кое-как добрался до гостиницы, и, пока администратор оформляла мое вселение, я обратил внимание на включенный телевизор. Весь экран занимала физиономия с отвисшими щеками, в которые переходил лысеющий череп с его содержимым. За расходящимися в стороны щеками едва виднелись прижатые к голове чуть торчащие ушки. Это был "реформатор" Гайдар, который, художественно похрюкивая, рассуждал о пользе монетаризма для России, и о том, что вот-вот начнется рост чего-то. Чего - он и сам не знал, но печать собственной значимости для истории читалась в его бегающих, с трудно просматриваемыми следами интеллекта, глазках.

Уставшее сознание почему-то озорно встрепенулось и мысленно дорисовало портрет "реформатора" до полной гармонии, вытянув несколько вперед переднюю часть его физиономии, а

вверх - уши. Получился холеный хряк в галстукe. Эти фантазии несколько развеселили меня, сняв какую-то часть усталости.

Вскоре все мои бумаги были оформлены, я заплатил за гостиницу и пошел к себе в номер. Устроившись в номере, решил сразу же отправиться в магазин, чтобы купить себе что-то сносное на ноги. Дело было в субботу. В воскресные дни магазины не работают, да и как добираться до них, если подошвы к этому времени, словно собачьи языки в жаркую погоду от бессилия свисали вниз.

Ближайший обувной магазин находился в 300 метрах от гостиницы. Его заметил еще в прошлую командировку.

Прикинув свои финансовые возможности - нужно было неделю пробыть в Н.Новгороде, а затем еще добраться до Красноярска - пришел к выводу, что, при лучшем раскладе средств, можно рассчитывать только, ну, максимум, на 15 тысяч рублей. Это несколько озадачило, но делать было нечего. Пришлось опять подвязать капроновыми нитками подошвы своих итальянских грязеходов и медленно дефилировать в магазин, ибо при быстрой ходьбе вся моя конструкция грозила рассыпаться.

Кое-как дошаркав до заветного магазина, и испытывая неприятное прокладочно-памперсное ощущение от мокрых ног,- ибо границей впитываемой жидкости были именно они - непромокаемые, стал внимательно рассматривать цены на обувь нужного размера. Симпатичные продавщицы приветливо принялись предлагать сапоги различных фирм, в том

числе и итальянских. Вежливо отказавшись от них, переходил от отдела к отделу.

Просмотрев вереницы цен на полках в очередном отделе, где продавались туфли, меня пробрал холодный пот - цены на туфли "кусались" сильнее итальянских сапог. Ничего не дал переход и в соседний отдел, где были туфли "поскромнее" - не зимние, но стоили больше 15 тысяч наших рублей.

Ситуация грозила стать безвыходной. Но линия судьбы повела в последний отдел, где продавались одни лишь тапочки. К этому времени, как назло, нитки, которые как-то держали языки-подшвы в приличном положении, сползли с них. При поднятии ноги подошвы сапог, отклеившиеся уже до самых каблучков, вульгарно свисали вниз, как огромные висячие языки в мясной лавке.

Не поднимая ног, медленно проскользил до последнего отдела, где внимательно стал рассматривать тапочки, мысленно калькулируя свои финансовые возможности при том или ином раскладе, в досаде на свою судьбу, что так часто она посылает мне подобные испытания. Правда, ходить в тапочках в конце февраля меня не особенно прельщало - это удел моржей, но в данной ситуации делать было нечего. А главное, Здесь сразу бросилось в глаза то, что цены на товар были сговорчивее цен соседних отделов. Это как-то приободрило. Но озадачило то, что в основном все предлагаемые тапочки предназначались для ношения их в помещении или в летнее время.

Около получаса ушло на внимательное изучение предложения данного обувного отдела. Пришлось

стоять на одном месте. ибо передвижение повлекло бы за собой массу неудобств.... Заметив это, симпатичная и очень приятная продавщица обратилась с вопросом:

– Вы не можете выбрать нужную вам обувь?

– Могу, но вот мне нужно, что-нибудь с резиновой подошвой и в пределах 15 тысяч рублей - для работы на даче в неблагоприятных условиях, чтобы ноги не промокли, если будет сырость, - последовал ответ. – Но тут у вас все для домашних условий...

– Погодите, кажется, есть такие! - радостно ответила продавщица. Вот эти вельветовые с резиновой подошвой...

Она подала темно синего цвета тапочки с действительно резиновой подошвой. Их при плохом рассмотрении можно было даже принять за туфли.

– Это то, что мне нужно!..., - почти ликуя, ответил я. - А сколько они стоят?

– Всего 5 тысяч! - Возьмете? Тогда платите в кассу. Она вон там - у входной двери, - рукой показала она..

– Конечно, беру! - Они мне для дачи в самый раз, вот жена обрадуется, - радуясь удаче, и забыв про свои сапоги с висячими подошвами, строевым шагом бросился к кассе. Но подошвы-языки предательски громко шлепнув вначале о сапоги, а затем о мраморный пол магазина, выдали меня, чем обратили внимание не только продавщицы, но и ближайших покупателей. Ситуация выходила из под контроля. Все захихикали и весело заулыбались. А продавщица прикрыла рот, чтобы сдержать своей хохот.

- Туда, там касса? - спрашиваю сдуру еще раз у нее. Но "тайна" моя была раскрыта. Стало страшно неловко.

Чтобы не привлекать внимание других покупателей и продавщиц других отделов, я так же, как до того дошаркал до отдела с тапочками, медленно доскользил до кассы, выложив пять тысяч, и, скалькулировав, что сэкономил аж 10 тысяч, получил заветный чек. Дойдя таким же образом обратно к отделу тапочек, гордо вручил чек улыбающейся продавщице, получив взамен свою заветную покупку с комментариями:

- Носите их на здоровье на своей даче, хотя как вы по такому-то холоду в них?

- Спасибо! - У нас на даче бывает и теплее..., - сдуру выпалил я и, забыв про все, огромными шагами, расставляя ноги в стороны, будто бы был в ластах, направился к выходу, издавая своими сапогами при каждом шаге хлюпающий звук. В этот момент себя ощущал Кваком из фильма "Варвара-краса - длинная коса".

Натерпевшись позора из-за своих итальянских сапог, выскочил из магазина, затем, оглядевшись, зашел за ближайший киоск, благо ни кого вокруг не было, переобулся и счастливый отправился в гостиницу. Конечно, новые темно-синие тапочки никак не вписывались в мой зимний гардероб. Недоуменные взгляды прохожих говорили об этом и еще кое о чём другом. Наверняка у каждого возникала мысль: «А не сбежал ли товарищ из сумасшедшего дома?» Мне же пришлось успокаивать себя тем, что - может быть я на минуту вышел из

гостиницы и забыл переобуться, а может быть я морж какой. Кому, какое дело?

Но на этом мои приключения с тапочками не кончились. Мало того, что представители организаций, в которых мне пришлось бывать, недоуменно осматривали меня с головы до ног, видя вопиющую дисгармонию во внешнем виде, молча пожимали плечами, и, наверняка про себя думали: «У сибиряков свои причуды».

Итальянские сапоги я то склеил, чтобы довести до Красноярска и отдать в ремонт. В Доме быта подошвы отодрали и вновь приклеили на место, но уже нашим отечественным клеем. Получалось теперь, что сапоги вроде бы как итальяно-российской фирмы.

Вернувшись в Красноярск в тапочках, я не рассчитывал ходить в них и здесь, поэтому после ремонта сапог, сразу же надел их. Но в марте в Красноярске еще лежит снег, такая же слякоть, как и в Н.Новгороде в феврале. Однако после первой же прогулки сапоги опять высунули свои языки, но уже на наш - российский манер: у подошв в виде зубов торчали лохмотья нашенского клея. Халтурщики даже интернационального происхождения не гарантируют хоть какого-то бы ни было качества.

Делать было нечего, ну разве что опять пойти в Дом быта и написать жалобу, отчего "фирмачи" запрыгали, забегали и через три дня мне вернули мои злосчастные сапоги. Теперь это были сапоги чисто нашего производства, выполненные из итальянских заготовок: новые подошвы с высокими каблуками были приклеены вулканизированным каучуком к сапогам так, что края подошвы заканчивались аж на

15-20 миллиметров выше уровня подошв и стали больше похожими на гибрид из сапог и калош - в виде кожаного верха и резинового низа. Таким сапогам была уже не страшна наша российская грязь, а в Италии они смотрелись бы как нечто экзотическое - из России, но с итальянскими корнями. В Доме быта мне их выдали с комментариями, как самому дорогому человеку. Однако ж носить сапоги больше не пришлось: жена сказала, что в таких сапогах я ходок только на дачу и без нее.

Теперь мои российско-итальянские сапоги, как реликвия, пылятся где-то в Красноярске. А вельветовые тапочки прослужили аж целых два года - два лета проходил в них на дачу. Ничто их не брало, и они полностью оправдали свою стоимость и свое назначение, спасая меня в слякоть, мороз и жару. Как говорится: «Мал золотник, да дорог". Не ценим и не осознаем мы еще преимущества отечественного качества, нашей продукции, произведенной по ГОСТам ВПК... А испортились мои тапочки лишь после того, как во время ремонта пропитались известкой. Вечная память отечественным тапочкам - образцу качества и надежности!

ХАЛТУРЩИКИ



Не любя мне Москва, особенно после 91-го года. Мало что осталось в ней от русской столицы. Разве что только ее старина - Кремль, Китай город, Даниловский монастырь и др. Они трогают душу, а остальное все безликое, космополитическое, не имеющее ни лица , ни души, впрочем, как и нынешние москвичи. Они давно лишились того, что всегда отличало нынешнюю Москву от исторической, о которой мы знаем только из хроники или по книгам. Уж много в нынешнем облике столицы от халтурщиков. Правда, это видно лишь свежим глазом, а москвичам она давно примелькалась.

Нынешние москвичи привыкли к соседству нищеты и богатства, к той помпезности, с которой проводятся разные праздники - от еврейского шабаша в Кремле, многочисленных гала-концертов на Красной площади заезжих зарубежных и уже порядком одряхлевших звезд или кумиров сатанинской поп-культуры, до бесчисленных презентаций и концертов отечественных звезд, по очереди выходящих в тираж, причем с обязательным присутствием на этих мероприятиях московской "богема" и правительства со всеучаствующим московским мэром.

"Голубые", "розовые" и прочие сексуально озабоченные придурки всех мастей, обжившие телеэкран и взахлеб тараторящие о своих сексуально-

извращенческих проблемах так, что в этом содомском гомоне, как в разбушевавшемся океане, тонут крики стариков, двух миллионов брошенных беспризорных детей из 120 миллионов голодных и полуголодных россиян, отцы, деды и прадеды которых строили не только саму Москву, но и саму Россию, которая кормит нынешнюю ожиревшую и голодную, распластавшуюся, как огромный блин на сковородке, столицу.

Попадая в Москву проездом, стараюсь не задерживаться в ней больше одного дня, а в лучшем случае пытаюсь сразу попасть с поезда на поезд. В тот раз повезло - удалось сразу после приезда взять билет на ближайший поезд. До его отхода было несколько свободных часов, поэтому было решено провести их в ожидании на Курском вокзале.

Удобно устроившись в кресле в зале ожидания на первом этаже, по привычке достал из сумки книгу и стал читать. Вокруг туда-сюда ходили люди, то и дело диктор сообщала о прибытии или отправлении поездов...

Вдруг сквозь весь это цивилизованный бедлам послышался звонкий детский голосок. Подняв глаза, увидел, что две русские девочки шести и четырех лет, взявшись за руки шли через зал. На старшей было одето легкое платьице, а ее посиневшие от холода ноги были без обуви. Босиком девочка шла по мраморному полу. Ее грязные ноги, давно не знавшие теплой воды, были покрыты множеством мелких ран. А по лицу были размазаны темные полосы грязи непонятного происхождения. В голодных глазах

читалась какая-то отчужденность от этого несправедливого мира и не детская печаль. Девочки наверняка не понимали, почему в один самый несчастливый день их короткого детства, они оказались в существующем положении, и кто из взрослых стал виною случившемуся. Теперь взрослые наверняка делились ими на тех кто подает из жалости, хотя девочки ни у кого ничего не просили, просили их голодные глаза, - и тех, кто не подает.

Да, это были не детские глаза... Наверное старшая, еще сама требующая материнской ласки, была для младшей в качестве матери.

Она так нежно держала младшую сестренку за руку, как может только нежная и заботливая сестра... У младшей расцарапанные грязные ноги были обуты в летние сандалии, а поверх легкого платъица была одета старая рванная кофта.

Если бы увиденное происходило летом, то девочки вряд ли бросились в глаза - мало ли сейчас грязных и оборванных детей из об нищавших семей. Но это было в феврале...

Тысячу раз прав Федор Михайлович о "невинно пролитой детской слезинке". Но никто не слышит слова великого русского классика, постоянно напоминающего нам из своего времени о пагубности всех революций, контрреволюций и непродуманных реформ, заставляющих страдать детей. Пожалуй, те, кто у кормушки, наверняка и фамилию Федора Михайловича не помнят. Да что он им. Нравственность, духовность - это не монетаристские понятия и к "рыночной экономике никакого

отношения не имеют"... Это устоявшийся факт. Здесь, особенно на олимпе власти, мыслят категориями с двойными стандартами, а мораль, как известно, имеет одно лицо...

Сестры подошли к ближайшему мусорному ящику и старшая стала копаться в нем, подавая младшей недоеденные пирожки, бутылку с недопитым лимонадом. Достав объедки, сестры стали жадно есть добытое.

В это время послышались странные крики: кто-то кому-то, спускаясь по эскалатору со второго этажа на первый, приказывал попробовать еще раз. Через минуту показались виновники шума. Впереди шел "крикун" - это был, скорее всего, режиссер, за ним люди с видеокамерами, несколько милиционеров разного калибра - от худосочного до - с отвисшими спереди и сзади образованиями безобразного вида. Милиционеры спешили за упитанным мальчиком, лицо которого было размалевано под беспризорника. Процессия остановилась и режиссер громко стал объяснять, что нужно еще раз повторить сцену убегания мальчика от милиционеров, т.к. уж слишком нарочито все получается. Потом милиционер, который по сценарию должен настичь мальчика, должен передать его счастливым родителям. Нужно показать, как хорошо и бдительно работает наша милиция...

Все эта киношная команда халтурщиков поднялись по эскалатору на второй этаж. Потом режиссер крикнул: "Поехали, мотор!".

Мальчик с измалеванным лицом вновь бросился вниз по эскалатору, а вслед за ним с криками

побежали милиционеры, тряся своими отвисшими складками, словно разбитная баба без бюстгальтера.

На уровне первого этажа милиционер схватил "беглеца". Но режиссер, скривив свою одухотворенную физиономию, произнес:

- Не пойдет, халтура! - Попробуем еще раз. Все должно быть правдоподобно: мальчик убегает из дому, а наша бдительная милиция ловит его. Неужели не понятно?! Ведь так просто и ясно! Все по местам!

Все повторилось снова: измалеванный мальчик убегал, а ряженные милиционеры ловили его - как взаправду. Однако эта халтура повторялась еще несколько раз, но по существу так халтурой и осталась...

А рядом - в двадцати шагах - голодные, грязные и брошенные русские девочки, на которых милиция совершенно не обращала внимания, собирали объедки. И не потому, что их сознание говорило им, что нужно только выжить в этих кошмарных условиях, а потому, что их детские организмы просто требовали пищи, чтобы удовлетворить сегодня свою чисто биологическую потребность. И сейчас они вряд ли задумываются, что им предстоит еще вырасти, выйти замуж, нарожать своих детишек и дать им более счастливое детство, нежели им дали их родители и страна, в которой им суждено было родиться....

Не осознавали эти две хрупкие русские девочки и того, что каждый день своего жестокого детства они борются за свою жизнь с огромным и несправедливым миром, окружающих их. Миром, где взрослые,

пережившие только за период одной человеческой жизни несколько войн и революций, были к ним абсолютно равнодушны. Поэтому эти девочки ни от кого не убегали, им не от кого было убегать - их, по всей видимости, бросили родители... Не осознавали они и того, что их судьба, скорее всего, уже предрешена... И не потому, что "торжество демократии" в России обещает быть вечным. А потому что халтура, двойная мораль стали религией взрослых.

ФИЛОСОФСКИЙ ВОПРОС



Не повезло! Не успел, по закону подлости, на какие-нибудь 2-3 минуты. Автобус "Кушва-Красноуральск" показал свой чадящий зад и скрылся за поворотом. Следующий автобус - по расписанию - через два часа. Выйти некуда на улице мороз с ветром пронизывающим до костей. Пришлось смириться и два часа просидеть в пустом и обшарпанном автовокзале с дизайном начала века. Правда, по сравнению с другими автовокзалами Урала, этот отапливался, и это единственное преимущество как-то скрашивало решение убить время здесь, за чтением книги - непременным спутником всех командировок.

Первые полчаса на автовокзале было тихо. Похоже, что ни одна живая душа с отходом последнего автобуса больше не желала его посещать. Но вот донеслось лошадиное ржание. В окошко было видно, как к автовокзалу подкатила телега, на которой гордо восседал комического вида мужичок с достоинством водителя "Кодилака". Подъехав почти к двери, он привстал, оглянувшись по сторонам, громко скомандовал:

- Сто-о-ять! - Стерва! ... твою мать!

Лошадь встала, как вкопанная. Через минуту, с притопыванием, мужичок ввалился в маленький и низенький автовокзал. Это был рыжий, с такой же рыжей и кучерявой бородой представитель Российской окраины, который не привык обращать внимание на свой внешний вид, потому как пошить костюм у Юдашкина, Славы Зайцева или, на худой конец, у Версаче, не было особой надобности и возможности - для кобылы или коровы было все равно в какой "шкуре" ходит ее хозяин. А на ставшие модными различные презентации его вряд ли кто когда-нибудь пригласил бы. А потому мужичок, как и большинство его провинциальных соплеменников в глубинке, был одет в стандартную униформу. На голове у него была нахлобучена набекрень, выдавшая виды, потертая шапка-ушанка с развязанными клапанами, торчащими в разные стороны, словно хвосты веселых лаек. Одет он был в потертый, некогда черного цвета, смокинг местного покроя в стиле а ля-телогрейка со множеством дыр. Ватные штаны с темными заплатками на заднице и коленках были подпоясаны бечевкой, концы которой выглядывали из под телогрейки. На руках у

него были надеты дырявые меховые рукавицы не первой свежести.

Мужичок широко и открыто улыбнулся, показав, помимо единственного торчащего изо рта желтого зуба, весь остаток остальных черно-желтых, скорее всего от махорки, зубов. Лицом он сильно напоминал персонаж нищего с картины Сурикова "Боярыня Морозова", и, как принято в русской провинции, первым поздоровался с незнакомым человеком:

- Здрасьте вам! - Вы автобус ждете? Да-а-а, - протянул он, не дожидаясь ответа на свой вопрос, - долго ж однако вам его ожидать. Тут ведь как: успел - уехал, а не успел - сиди и жди. Вон они как ходют, совсем скоро ездить перестанут.

- Добрый день! - последовал ответ.- А вы, что ж, тоже на автобус?

- А как же гужевой четырехногий транспорт?

- Ой! - взмахнул руками мужичок. - Кому добрый день,... А вы далече? - неожиданно спросил он. - Издалека, видать?

- В Красноуральск я. - Издалека, из самой Сибири.

Да-а-а! - так, вот я и говорю, спохватился он, - кому добрый день, а кто уже и по заднице успел схлопотать. Вон кобыла стоит. Ведь думал же купить мациклет "ИЖ". И сена не нужно, и хлева не нужно - стой себе и дожидайся хозяина. Сел - поехал куды надо. А с другого конца: мациклет - оно-то хорошо, но опять же, бензин нужен, а с им сейчас тяжеловато. Не купишь. Да и мациклет поломаться может. Вот я думал и так, и эдак, и решил купить кобылу - все ж гужевой транспорт, да и корм под ногами. К тому же живая

скотина, и посудачить можно - все ж веселей, когда из села сюды едешь. А ежели когда за сеном или за дровами - опять же выгода. На мациклете-то сена не привезешь, за дровами не съездишь. Чуешь куда я? Во-о!

Он задумался, потом громко высморкался и продолжил:

– Кобыла-то хорошо, но она - скотина неразумная, сегодня меня так под зад лягнула, под самый этот - ну кобчик который. Вот тут! - жалостно произнес он, встал, повернулся своим ватным задом и показал куда лягнула его неразумная кобыла.

– Вот сюды, ка-а-ак лягнёт из под низу в самый кобчик, так у меня чуть глаза с другой стороны не повылазили. Аж сумерки в них наступили и звезды посыпались. До сих пор болит, - пожаловался он, потер рукой в месте кобчика, и тут же спросил: - видите куда?

– Да, серьезное место, - сочувствую ему. - Видно что-то не понравилось кобыле.

– Неразумная еще, не все команды понимает. Я ей одно, а она - скотина, по-своему, все норовит мне свой нрав показать и ждет, когда я ее к этой матери пошлю. То ей, как лексир на душу. Гонору-то еще от прошлого хозяина - Гришки Кубышкина - осталось. Каков хозяин – такова и скотина. Он ее русскому мату обучил. Каждую его команду с полуслова понимала. Без твою мать она и с места не сдвинется. Загляденье было нашим мужикам, вот я и позарилси на нее. Подумал: вот дрессированная скотина - лучше мациклета! А не допер, что и мне с ею нужно на матерном языке общаться. А срамно ведь перед

людьми материться, особенно тут - в городе. С тех пор один срам от нее терплю. Продать ее что-ли к едреной Фене? Как бы вы посоветовали? - обратился он. Я смотрю, вы человек тово, - ученый видно, наукам обучены... А то я пока лишения от её всякие терплю.

- Тут вот подъехал я к магазину, чтобы продукты купить, поставил, значит ее, а сам пошел в магазин. Купил что баба заказывала, выхожу, сложил на телегу и решил осмотр технический у телеги произвести. Нагнулся я, значит, чтобы колесо посмотреть - что-то ходуном ходит, а сам к ей задом развернулся и разговариваю с ею. Вот тут она меня и поддела. Ка-а-ак врежет задним копытом. Я тут так и присел. В глазах помутнение, сумерки. От боли ничего не вижу. Привстал все же потом - после звездопаду-то, кой-как приспособился на дрожках, дернул за узды и покрыл её всю отборным матом с хвоста по гриву. Так она аж вприпрыжку, стерва, сюды домчала. Тут хоть с людьми поговорить можно. А она ведь, зверюга, нормальных слов не понимает: хоть говори ей, хоть не говори . . .

- Вопрос, конечно, философский. - Ну что вам посоветовать? Оно, конечно, решать вам, но в деревне с гужевым транспортом как-то поспокойнее. Попробуйте ее научить нормальным командам - без мата. А в ваших краях, по всей видимости, весной и осенью на мотоцикле не особенно раскатаешься.

- Так и я вот говорю: мациклет - он, конечно, машина не хреновая, но опять же, куды с ним по такой непогоде? А с кобылой-то можно и по непогоде, да и корм бесплатный, но с другого конца, -

ее, стерву, еще переучивать надо. А ежели в ейной башке эта дурь крепко засела, тоды как? Во! Видали, задача-то какая? Филосо-о-фия!

В этот момент дверь в автовокзал со скрипом отворилась и вошла женщина с девочкой. По внешнему виду можно было предположить, что эта женщина - выходец с Кавказа, и, скорее всего, осетинка. Они молча сели напротив нас и, как истинно кавказские женщины, внешним видом дали понять, что с ними лучше не заговаривать. Потом мать о чем-то спросила дочь, упомянув город Орджоникидзе, что подтвердило предположение об их кавказском происхождении. Но мой собеседник не знал всех особенностей и тонкостей Кавказа, особенно в том плане, что там не принято женщинам заговаривать с незнакомыми мужчинами. Видя новых слушателей и мою неактивность в разговоре, и решив, что его вопрос лучше разрешить коллегиально, он обратился к вошедшим:

- То же на автобус? Так он же еще не скоро будет. А вы, видать, не нашенские?

Женщина и ее дочь продолжали молчать. Тогда он подсел к ним ближе и продолжил:

- А меня тут кобыла по заднице лягнула, аж под самый кобчик – вон за окном, стерва, стоит... - Я говорю, что кобыла меня под самый кобчик..., - повторил он, решив, что женщины его не расслышали, - ну, звезданула.

В ответ полное молчание. Тогда он встал и повернулся к женщине своим ватным задом и показал куда его лягнула кобыла, погладив это место рукой. Женщина фыркнув, отвернулась, что-то буркнув на

своим языке. А мужичок, не обращая внимание на реакцию женщины, продолжал жаловаться, поглаживая пострадавшее от кобылы место:

- Болит до сих пор. Звезданула от души. Вот я и не знаю после этого, продавать ли кобылу, али мациклет купить? Заехал тут посоветоваться с людьми. Вот и этот товарищ говорит, что кобыла вроде бы для деревни лучше. А вы как думаете? А? - Она ведь у меня только мат и понимает. Что же мне теперь - с ею срамиться перед людьми в городе? Как, вот с ею разговаривать, чтобы она мои команды осознала? По культурному она не понимает, лягается, стерва парнокопытная.

Женщина с девочкой пересели на другое место, а в помещение автовокзала вошел пенсионного возраста старичок.

- Здравствуйте вам! Автобус скоро будет? - обратился он к присутствующим, и сел на место, где сидела женщина с девочкой.

- День добрый, мил человек! - обрадовано ответил наш мужичок. Автобус, видать, скоро уже будет, вот и народ уже помаленьку собирается ... А меня сегодня моя кобыла вот сюды, - он показал заветное место, куда неразумная кобыла нанесла несанкционированный удар задней конечностью, - аж под самый кобчик так лягнула, что чуть глаза не повылазили.. Вот и не знаю: продать ее и купить мациклет, али еще повременить, может еще остепенится? Как вы мыслите? - обратился он к пенсионеру. Я гляжу вы человек с опытом....

Старичок важно надулся и стал участливо подробно объяснять все плюсы и минусы обоих

вариантов. А мужичок то и дело вставал и, жалуясь на свою неразумную скотину, показывал пенсионеру свое оскорбленное копытом кобылы место.

Вскоре помещение вокзала заполнилось пассажирами, и открылась касса. К этому времени все собравшиеся знали историю мужичка. Последняя его фраза, которую удалось услышать, и, которую он предназначал уже четвертому слушателю своей истории, была такой:

- Вот и я думаю, что, хоть кобыла и дура, без мата и шагу не сделает, и лягается куды ни попадя, а все ж гужевой транспорт, и без нее в деревне не обойтись. А мациклет - хоть и машина, а капризней все ж кобылы. Нет, я пока погоду ее продавать.

Когда все пассажиры стали садиться в подошедший автобус, мужичок вышел вслед за всеми, подошел к своей непутевой кобыле и прямо в ухо стал ей что-то нашептывать. Кобыла, мотнув головой, молча сдвинулась с места, а мужичок на ходу вскочил на телегу и стеганул кобылу по крупу. Вскоре они скрылись из виду, оставив всем пассажирам хорошее настроение.

НАУЧНЫЙ РАЗГОВОР



После бурных дебатов в купе вновь воцарилась подозрительная тишина. Все темы, особенно политические и житейские, да и просто ни о чем, были уже обговорены. "Новые интуристы", несколько обмякшие и уставшие от практически бесплодных разговоров, теперь сидели молча и думали каждый о своем. "Новыми" их сделали в один момент "лесные братья" - после "развода" бывших братских республик. Теперь, в отличие от западных интуристов, они с баулами, чемоданами, мешками и замысловатыми узлами по старой советской привычке продолжали ездить друг к другу в гости, в одночасье оказавшись по разные стороны границы. А порою колесили "за границу" в качестве челноков, платя теперь мзду проводникам и таможенникам, проклиная "дурацкие" законы и сожалея, что жаловаться ныне некому... Менталитет, как говорится, есть менталитет. Его так сразу не переделаешь и не отменишь вместе с бывшими законами.

В Харькове к нам в купе подсел хохол, а в Славянске присоединился русский. Перед дорогой он немного перебрал, очевидно по привычке желая себе приятного пути. После последнего напутствия провожавшей его жене - чтоб ни с кем не путалась,

он ввалился к нам в купе, сказав, что он тоже россиянин, но еще до "развода" республик перебрался на Украину - из-за жены. Подсев к нам, предложил:

- Мужики, мы же славяне, давайте-ка раздавим бутылочку, чтобы дорога была нам скатертью.

Отвечаю ему, что ты ведь уже и так раздавил, да похоже, что и не одну. Куда еще?

- Хорошо, - соглашается он, - тогда давай побеседуем, мужики, страсть как люблю поговорить. - Вот скажи мне, - обратился он к сидящему по правую руку хохлу, - что сделали эти козлы в Киеве и Москве?

Хохол молча махнул рукой, продолжали молчать и остальные. Видя, что у спутников нет желания говорить на эту тему - все уже обговорено, он продолжил:

- Тогда, давай с другого конца. Давай про историю. Кто знает историю? Я страсть как люблю ист-исторические книжки читать,- с глубокой икотой выдавил он из себя. Это наука, мужики! Не каждому дано...

На это предложение ответил украинец. Тема была новой и он еще не успел наговориться.

- Давай про историю, дюже нравится мне эта тема. Мы – хохлы - дюже любознательные, в отличии от вас москалей.

Заспорили кто лучше знает историю. Начали с Москвы. Русский стал убеждать, что "Москва" - по одной версии значит медведь. Я подтвердил.

- Ну-у-у! - Та ж свита, та не так пошита, - возмутился хохол, используя русские и украинские слова. Москва - це тому, що она на самой реке Москва

стоит.

- А-а-а! - Не знаешь! Лю-бой ду-рак тебе так ответит, а ты в ко-о-рень-то, в ко-о-рень смотри! - с видом победителя, подняв вверх палец произнес русский.

Хохол насупился, молчит. Потом спохватившись, пошел в атаку:

- А скажи-ка мне, любезнейший москаль, сколько памятников при жизни было поставлено Юрию Гагарину, коли ты такой знавец истории?

Русский задумался, почесал Затылок и с видом знатока отвечает:

- На родине - в Гагарине, в Курской области...

- А вот и ни! - Злорадствует хохол. - Один из них установил М.Шолохов на свои гроши. Х-м-м! - Я ж працювал у Шолохова шохфёром. А всего было установлено тильки два памятника.... Вот так! Я и не про такое знаю, - гордо выпятив грудь, - добавил хохол. Це ж, наука! Хоч гопки скачи, а я ж тоже освичений та маю тямю.

Русский опять Задумался, поддетый так ловко, а потом спрашивает:

- А на каком языке, по другой версии, Москва - Значит болотистое место?

Хохол насупился.

- Не знаю! Но Знаю, що Русь с Киива пишла! . . .

- А-а-а! - злорадствует русский, - не знаешь! Не постиг ты еще этой науки! Тут, брат, мозги нужны, уровень.... И еще этот, ну как его? - Ну да, ин-теллект! Нужно уметь разбираться в тонкостях истории, понимаешь. Знать её все вихляния и, даже, мелочи. Я, к примеру, имею образование. Ты не смотри, что я

немного того ... Я техникум закончил. Меня на работе уважают. Говорят, что наш Семён, - это я Семён, - про всё знает! Без ложной скромности . Ей-бо, мужики. Так оно и есть. Б., буду, - матерно побожился он.

- Ты так?!, - вспыхивает хохол. - А скажи-ка мне тогда, сколько техники было у Шолохова, коли ты такой знавец истории?

Русский ведет плечами, икает от неожиданного вопроса, и говорит:

- Сколько техники, сколько техники!? - А хрен знает сколько её у него было. Ты ещё спроси что он кушал. Это, - водя из стороны в сторону высоко поднятым пальцем, - к истории не относится, и это не научный разговор! - с достоинством и видом знатока ответил русский.... Не те ак-се-ссу-ары!...

На этом их научный спор на исторические темы закончился и они молча, с обидой глядя друг на друга, что не удалось убедить противника такими мощными научными аргументами, ехали до следующей станции, где хохол сошел, даже не попрощавшись.

Воистину неистребима тяга к знаниям у наших народов и страсть поспорить. И спорят же, порою не слушая друг друга. А главное, это всегда спор двух братьев, каждый из которых не хочет остаться в накладе, не уступить. Корни-то одни, а называются теперь они по-разному.

КЛИЗМА



В купе было весело. Мои соседи - чеченец Рамиз из под Моздока и его соседи - челноки, - всю дорогу рассказывали о чем-то смешном, что случалось с ними в дороге. Хохотали до упаду. Но когда коснулись медицинской темы, то Рамиз

стал серьезным и сказал с сильным кавказским акцентом:

- Ви дажи нэ представляете как я опозорился из-за этой медицины. Такой позор нэ испытывал дажи мой дэдушка, когда ему вирезали аппендицит. Мы притихли...

Здесь следует несколько отвлечься от темы и отметить, что контакты с разными людьми и личные наблюдения показывают, что в каждом народе есть свой "дед Щукарь", который вносит в менталитет народа что-то особенное, веселое, несмотря на свою, порою комичность или неудачливость в жизни, но в то же время какую-то парадоксальную жизнеутверждающую силу. Ведь, как известно, юмор - один из целительных источников, особенно в смутные времена.

Итак, Рамиз продолжал.

- Ви же знаете, что ми - чеченцы - ничего нэ боимся. Нэ знаю что я покущал, но у меня сильно заболел живот, наверное желудок. Меня положили в больницу. Лэжу один, второй дэнь, пью таблэтки, дажи стало немного лучше, но врач говорит, что

нужно хорошо промыть желудок, а для этого нужно поставить клизму. Что такое клизма, - я тогда нэ знал, но знал, что такое поставить уколы. Подумал, что клизма - это что-то, как уколы. Я ведь здоровый, как бик. А уколы, ви сами понимаете - это совсем не страшно для настоящего джигита, тэм более истинного вайнаха.

Слушай, что било дальше-да. Эту проклятую клизму назначили на слэдующее утро.

Утром к нам в палату пришла мэдсэстра, такая красавица, молодая, совсем дэвушка, и спросила: "Кому первому поставить клизму?"

- А-а-а! - Слушай, подумал я, - что нэ джигит что ли я, чтобы бояться какого-то укола, и сказал ей, что я могу быть первым. Нэ знаю пачэму, но все в палате стали тихонько хихикаться, а мне ничего нэ сказали о том, как дэлают эту клизму. Что за народ пошел, слушай!?

Мэдсэстра повела меня в свой кабинет, он называется процедурная.

А-а! Слушай, правильно назвали-да, - совсем дурной кабынэт. Она мене сказала, чтобы я спустил штаны и лег на топчан. А, слушай, мне никогда, ни одна дэвочка нэ говорила такое: снимай штаны. Я сам говорил им об этом. Но что делать, здэс больница. Я поморщился, стало стыдно, но штаны все-же спустил. Думаю: может быть хочет что-то посметреть - доктур ведь. Вдруг какой-нибудь аппендецит-маппендецит есть. К тому же одна и совсем молоденькая-да.

У Рамиза загорелись глазки, видимо от приятных воспоминаний. Потом он продолжил:

- Вай-вай, что било дальше. Потом она стала меня инструктировать: смотри, - говорит, - как только почувствуешь, что тебе становится холодно, озноб будет, ти сразу скажи мне.

- Нет, ты послушай, кому это она говорит? Разве нэ видит, что перед ней настоящий мужчина? Вай!...- возмущенно жестикулируя руками и чуть ли не захлебываясь от собственного достоинства, он пытался передать нам свое состояние. Потом, немного успокоившись, продолжил:

- А сама набрала болшую такую из резины, с такой черной трубочкой - теперь знаю, что она клизмой называется. Потом, о, Аллах! - ко всеобщему моему позору, всунула эту черную трубку в самое мое позорное место. Вай-вай, думаю, - куда я попал. Но все равно лэжу тихо. Что я, - нэ джигит что ли, чтобы при первой боли перед дэвушкой жаловаться? Лэжу и терплю такое унижение для джигита. А она мне говорит:

- Вам нэ холодно? - Таким тонэньким голосом спрашивает, а сама - вливает в меня вторую клизму.

- А-а-а! - слюшай, нет, дэвочка, - говорю ей. А сам чувствую, что постэпенно становится холодно в животе. Но я нэ мог показать свою слабость перед какой-то мэдсестрой! Терплю и лежу! Тогда она вливает в меня третью клизму. Слушай, три клизмы! Ты понимаишь-да?! А потом опять спрашивает:

- Молодой чаловек, вам дэйствительно нэ холодно? Как будто бы нэ знает, что человек нэ радиатор, в который можно заливать целое ведро воды. А-а-а! - слюшай, еле говорю ей, - уже совсэм холодно. У меня уже зубы стучат, говорить нэ могу. Скажи ради Аллаха,

что дальше, делать, дэвочка? Ти знаешь что она мне ответила? - Нэт? - Она мне сказала:

- А теперь бистрее на горшок! - как будто бы нэ видит, что мне даже встать трудно.

- Слушай, гдэ он? - спрашиваю её, а сам уже потерял всякое терпение. Живот вот-вот лопнет, - чуть ли не плача рассказывает он нам.

- В конце коридора, - отвечает она мне. Там туалэт для больных.

Я посмотрел: вах-вах! Этот туалэт находится в 50 метрах от этой процедурной. Я вскочил с топчана, но тут, как нарочно, эта предательская струя, как шампанское из бутильки вискочила из меня и стала поливать коридор тем, что я два дня назад кушал. Вай-вай, какой позор потерпел я тогда. Со спущенными штанами я пробежал эти проклятые пятьдесят метров, сдерживая на ходу рукой и пытаюсь заткнуть пальцем эту предательскую струю, так унизившую достоинство настоящего вайнаха. Но скажи, чем я смог прогневить Аллаха? Я сам нэ знаю. Обидно-да! Но когда я добежал до очка и с ходу сел на нэго, вот тут, как назло, все кончилось. Вы даже нэ представляете что я почувствовал. Из-за такого позора я в тот же день сбежал вечером из болницы. Теперь я знаю, что значит "поставить клизму", - будь она нэладна.

НА МУРОМСКОЙ ДОРОГЕ...



Жизненный опыт показывает, что, если что-то не удастся сразу, лучше отложить это на время. Надо было и в тот раз поступить согласно этому мудрому правилу.

Отправка автобуса "Н.Новгород-Муром" была задержана на некоторое время. Диспетчер объяснил это тем, что "Икарус", на котором должны везти пассажиров, неисправен, поэтому придется немного подождать.

Наконец-то подошел долгожданный автобус. Пассажиры быстро заполнили салон. Вместе с водителем в рейс отправлялся его помощник - очень полный и грузный, добродушный дядечка. В связи с тем, что мое место было рядом с водительским, всю дорогу пришлось быть свидетелем диалога водителя с помощником.

- Слышь, дядя Юра, а ты раньше с кем в рейсы ходил? - спросил водитель помощника. - Автобус-то нам дали "латанный-перелатанный".

- Да с Григорием. Скользкий он мужик, ненадежный.- ответил дядя Юра.

- Да, я слышал про него. Не-е-е, с ним я бы ни в жисть не поехал бы. С ним, говорят, каши не сварить, Да и жадюга, говорят, он порядочный.

- И не говори, я с ним больше не поеду. Я лучше с тобой буду ездить.

- Ну, что ж, дядь Юр, мне с вами сподручнее.

- А ты Серегу с "Белаза" знаешь, Семен? - Вот спорщик, а главное из себя такого знатока строит, хотя знает куда меньше моего. А как-то я у него десятку просил в займы, так не дал же, сволочь. Если не знаешь ни хрена, так чё ты споришь? - Правильно я говорю? - Семен, а?

- Да, Серега - парень с гнильцой, жмот. Я с ним пару раз спорил, так понял, что ни хрена он ни в чем не смыслит. Терпеть не могу таких спорщиков. Если не знаешь, - лучше не спорь, а признай, что тямут тут нету, - постучал Семен несколько раз по своей, отдающей глухим звоном, голове. Мозги еще иметь надо, они не каждому по плечу и не каждому даются.

- Да что он может знать? - возмущенно произнес дядя Юра, - что может он знать, например, почему кольца масло пропускают? Я ему одно, а он мне другое. Я на этих кольцах собаку съел. Скажу без ложной скромности, меня начальник цеха уважает, говорит, что без меня, как без рук. Да-а!

- Откуда ему знать, если он сам никогда двигатель-то не ремонтировал. Чтоб двигатель отремонтировать, его ж, как свою жинку знать надо, чтоб с закрытыми глазами каждую деталь ощущать. Я уже на этом, честно говорю, не одну собаку съел. Двигатель знаю, как "отче наш". Во! - похвастался дядя Юра.

- Чё-чё ты, дядя Юра, съел?

- Как чё? - собаку! Я в том смысле, что знаю его как - во, свои пять пальцев, - выпятив вперед свою ладонь-кувалду, - произнес дядя Юра.

- Вот к примеру, Семен, скажи, а почему двигатель "чихает", знаешь?

- А чё тут знать, - дядь Юр. Это ж элементарно. Я

...

- Нет-нет! - возразил дядя Юра. - Ты назови конкретные причины, аргументировано.

- А чё тут называть? - Ну, во-первых: раннее зажигание, не отрегулированы свечи...

- У-у-у! - Да и ты, оказывается, элементарных вещей не знаешь! - пропел с насмешкой дядя Юра. Это все ерунда. Не те причины называешь.

- Да как не те, дядь Юр, - возмутился Семен. Я даже экзамен сдавал, когда в Германии служил. Я ж отличник боевой и политической подготовки....

- Так ты тот экзамен забудь. А проще скажи, что ты не-е-е зна-а-а-ешь! И точка!... А то начинаешь вилять мозгами, как старая бабка задом перед молодым попом.

- Как не знаю? - Я все знаю, - дядь Юр. - Я ж чуть ли не потомственный шофер... А в армии я с закрытыми глазами разбирал автомат Калашникова....Я ж отличник по стрельбе... Ты, дядь Юр, стрелял из автомата Калашникова?

- У-у-у! - И понесло же тебя. - Да ты, парень, и спорить-то не умеешь. Причем тут автомат. Я, к примеру, стрелял из ППШ. Знаешь что это такое? Во-от! Из Калашникова стрелял, а почему двигатель "чихает" - не знаешь. Не знаешь, так и скажи. А зачем мозги мне пудрить про автомат.... Я может тот автомат по телевизору только и видел, и об этом прямо говорю.

- Да я не пудрю, дядь Юр, я ж знаю, что "чихает он еще и от того, что не тот бензин, я ж практик, отличник, с закрытыми глазами автомат...

- Тю-ю-! Ну совсем понесло тебя: практик, отличник, спортсменка, комсомолка... Наверное и отличник ты такой же липовый. Теорию-то ты совсем не знаешь. Не-е зна-а-ешь! Не знаешь, - так и скажи: не знаю! А то автомат, да закрытыми... , - съязвил дядя Юра, - ты это своей бабе или любовнице будешь рассказывать...

В салоне автобуса все стали пристально следить за спором. Впереди сидящая украинка хохотала над спорщиками до слез. Дядя Юра чувствовал себя победителем. От гордости и собственного достоинства его живот важно округлился, и он еще громче, чтобы слышали все, повторил свой вопрос:

- Так ты так и не вспомнил, если знал, отчего же "чихает" двигатель? - Не! Не знаешь ты, брат, совершенно теории. Не знаешь! Поражаюсь, я чему это вас в армии, да на курсах учили, если таких простых вещей не знаешь. Я бы не доверил тебе автобус с людьми, не доверил, не обижайся, Семен, но я бы не доверил, не-е, ей-богу не доверил бы.

- Да я знаю..., - стал доказывать Семен, ударяя себя в грудь кулаком. Падла буду, знаю... Если бы я знал, что вы такой спорщик, дядь Юр, я бы не взял вас напарником в поездку. Я б лучше с Григорием поехал, хоть он и прижимистый мужик, дерьмо. Но он не спорит со мной, знает о моем авторитете знатока в гараже.

В это время задний скат, издав оглушительный хлопок, осел так, что автобус чуть-чуть завалился на правый бок.

- Прие-е-хали! Похоже, что баллон лопнул. Вот невезуха. А все это от того, что с тобой поехал. Занудный ты мужик. И спорить не умеешь, и споришь о том, чего не знаешь. Нет, не поеду больше с тобой, Семен...

- Вот теперь вы оба сможете соединить теорию с практикой, - съязвила веселая украинка.

Дядя Юра неохотно стал натягивать на себя рабочий комбинезон, но пуговицы на его животе ни как не застегивались. Плюнув на них, помощник вышел из автобуса с расстегнутой ширинкой и хотел было подлезть под автобус, но не тут-то было: живот не позволил ему этот сделать и дядя Юра застрял в позе мусульманина, совершающего намаз.

- Семен! А, Семен!, - взмолился дядя Юра, - там в багажнике домкрат, возьми его и чуть-чуть подними автобус, - кряхтя из под автобуса, просил о помощи дядя Юра.

- Счас, дядь Юр, - ответил Семен, и побежал к багажнику. Там он быстро нашел домкрат и потом, установив его, стал поднимать автобус, освобождая дядю Юру из автобусного плена. Когда тот освободился, он пролез к баллону и быстро извлек его из под автобуса.

- Все, Семен, приехали. Баллон лопнул. Там багажнике есть запаска, правда, уже клеенная. Я сейчас быстро поменяю.

Пассажиры, видя, что есть свободное время, разбрелись по кустам по естественной надобности

осмотреть, и пометить местные достопримечательности. В это время дядя Юра, сопя и пыхтя, как паровоз, менял баллон.

- Это тебе, дядя Юра, не из ППШ стрелять и не экзаменовать знающих людей перед пассажирами.

- Ну и занудный ты мужик, Семен. А все ж не знаешь, почему двигатель чихает, потому как нет у тебя хорошей теоретической подготовки. Ты все по верхам,... отличник боевой и политической подготовки...

Вскоре баллон был заменен и пассажиры, оправившись от легкого стресса, отправились далее по маршруту. Примерно через полчаса вновь лопнул клеенный баллон. И вновь дядя Юра, проклиная эту поездку, поджимая свой живот, полез по автобус. Затем он целый час его клеил. Теория на глазах воплощалась в практику, а практика торжествовала над теорией. Пассажиры вновь изучали местные достопримечательности, а потом прыгали вокруг автобуса по муромской дороге, чтобы согреться. А кто-то даже мурлыкал под нос песню "На муромской дороге..", досочинив экспромтом свои слова: "На муромской дороге стоял автобус наш, прощался Семен с Юрой, а с ним и весь гараж...". Роковая дорога. Вот и в этот раз кто-то в Муроме не дожидается любимого или любимой из-за какого-то баллона! Нет, надо было отложить поездку. Народная примета верна.

Подъезжая уже к Мурому, дядя Юра решил взять реванш и показать Семену кто-есть кто. Набрав полную грудь воздуха, он с видом полным достоинства лауреата Нобелевской премии продекламировал:

- Итак, Семен, констатируем неоспоримый научный факт, что ты слаб в теории. Ты не знаешь почему двигатель осуществляет "чих", хотя и являешься отличником боевой и политической подготовки, держал в руках, а может быть и стрелял из всемирно известного автомата Калашникова. - Слушай внимательно и передай своим детям и внукам: Дви-га-те-ль "чи-ха-ет" не по-то-му, что! - он поднял высоко свой палец и обернулся к пассажирам, - что раннее зажигание или еще что. - Он сделал паузу и продолжил, - а по-то-му, ч-то в не-го по-да-ет-ся о-бед-нен-ная топливная смесь и больше ни хрена!!!.. Семен был повержен в глазах пассажиров и оставшуюся часть пути к Мурому он не произнес ни слова.



120 децибел



Получил наш завлаб задание от генерального директора проверить уровень вибрации на рабочих местах в деревообрабатывающем цехе. Что ж, завлабу и самому это интересно. Очень быстро вместе с лаборантом он провел необходимые замеры. Но, проходя мимо конструкторского отдела, решил заглянуть в него и проверить "уровень вибрации" на рабочих местах инженерно-технических работников, у которых рабочий станок - стол или кульман. Человек он с юмором и иной раз не прочь подурачиться...

- Товарищи инженеры, согласно приказа директора, я обязан с моим лаборантом замерить уровень вибрации на ваших рабочих местах, - обратился завлаб Елистратов к работникам отдела.

- А что мы должны делать? - слышалось в ответ. Это не вредно? Это не повлияет на организм? А за вредность будут платить?

- Как что? Выполнять наши команды, - ответил зав. лаб. - С кого начнем?

- Я, - вызвалась начальник отдела, пышная Изабелла Поликарповна. Скажите, пожалуйста, что я должна делать.

- Вы? - Ну, прежде всего покажите где ваше рабочее место, где вы сидите? - парировал завлаб., изображая лицо ответственного работника.

- Вот мое рабочее место, а вот стул, на котором я сижу, - с достоинством ответила самоотверженная начальница, готовая пожертвовать собой во имя расцвета науки.

- Та-а-а-к, - завлаб устанавливает датчик на рабочий стол, щелкает тумблерами прибора и многозначительно говорит: "На вашем рабочем столе минимум вибрации, допустимая доза. Можете спокойно работать".

- А на стуле? - недоуменно спрашивает Изабелла Поликарповна.

- На стуле? - Ах, да! Он устанавливает плоский датчик диаметром примерно пять и высотой в два сантиметра на сиденье стула и приглашает начальницу сесть на него. Изабелла Поликарповна покрывает свои широким тазом датчик, словно слон Моську, и ждет.

- Вам удобно, не мешает? - спрашивает зав. лаб.

- Я его совершенно не чувствую, - мило отвечает Изабелла Поликарповна.

- Хорошо! Расслабьтесь.

Начальница, делая умиленное лицо, расслабляется, как бы погружаясь в нирвану.

- Включаем прибор, - с умным видом произносит завлаб. Он щелкает тумблером и смотрит на неподвижную стрелку прибора, который стоял на

столе и не был даже подключен к датчику. Но для несравненной Изабеллы Поликарповны, привыкшей выполнять распоряжения начальства, это не имело никакого значения. Раз приказали, значит начальство знает что измеряет. К тому же она верила в силу науки: измерять даже то, что недоступно...

- Так! У вас предельная доза, аж 120 децибел!

- Изабелла Поликарповна бледнеет и спрашивает о том, как это повлияет на ее драгоценное здоровье.

- Может повлиять, а может и не повлиять. Тут ведь все будет зависеть от ваших дэскриментов. Если крайние частоты вашего тела войдут в резонанс с частотным спектром вашего стула, особенно по верхним гармоникам, то в итоге может быть профессиональное заболевание или, в лучшем случае, дестабилизация дэскриментов со спонтанным исходом наружу. Если наоборот, или со сдвигом фаз, то даже может быть и улучшение дэскриментов, - многозначительно, с видом профессора произнес завлаб. Затем он подошел ко второму столу, к третьему, четвертому...,проделав одну и ту же операцию. Сотрудницы с огромной ответственностью покрывали своими широкими тазами маленький пяточок датчика, словно готовы были совершить подвиг во имя науки. Через полчаса уже все работники знали, сколько децибел на их рабочих столах и под их мягким местом, они наперебой рассказывали друг другу, что вот, мол, они что-то об этом читали, кто-то даже выдвигал свою научную версию наблюдаемому эффекту дестабилизации дэскриментов. Но главное - слава богу, что наконец-то руководство стало заботиться об их здоровье...

Вышедший в коридор завлаб безуспешно пытался сдерживать свой истерический хохот; слезы ручьем текли из его глаз. Лаборант хохотал до икоты. Нахохотавшись, они зашли в следующий кабинет. К вечеру уже все знали у кого сколько децибелов, сколько лишних или не хватает, и какие у кого дэскрименты.

Воистину, пока смеется наш народ, он не сдается ни в горе, ни в радости.

ГДЕ ОСЬ СТВОЛА?



- Клянусь мамой, ей-бог, честный слов, ребята, я все знал, а он мне один дурной вопрос задавал..., - доносились отрывочные фразы курсанта Мамедова. Он вполголоса рассказывал

однокурсникам, стоявшим рядом, очередную байку о своих учебных неудачах, и бурно при этом жестикулировал руками. Учился он слабо, но был рубаха-парень. В группе к нему относились очень хорошо, называя его Эльтончиком.

Занятия по материальной части артиллерии шли полным ходом. Куратор группы майор Шипулин рассказывал и показывал, как проверяют ось ствола после определенного количества выстрелов. Он

подходил то к стволу гаубицы, то к казенной части, открывая ее, и при этом что-то настойчиво повторяя. Заметив бурно жестикулирующего рассказчика, майор Шипулин обратился к Мамедову:

- Курсант Мамедов! Доложите нам, как проверяется соосность ствола?

- Как ви сказали, товарищ майор, - осьность-да? - вопросом на вопрос ответил Мамедов.

- Т-а-а-к! Осьность, говорите? Чем вы слушаете, курсант Мамедов, ушами или задницей? - возмущается майор Шипулин. Тогда, ответьте, пожалуйста, что такое ось?

Мамедов подходит к гаубице, поворачивается к группе курсантов, обступивших её, и, пока майор Шипулин смотрит в журнал, кивает всем: мол, подскажите что такое ось. Все молчат в предвкушении очередной хохмы Мамедова.

- Не знаете! - отрываясь от журнала, произносит майор Шипулин. Тогда объясните что такое траектория полета снаряда?

- Траектория? - Мамедов делает удивленное лицо, глаза его округляются, словно у кота Васьки, которому вместо живой мышки подсунули плюшевую мышку.

- Траектория, товарищ майор, это такая траектория, которая.... Товарищ майор,.... Снаряд летит да..., - бубнит Мамедов.

- Значит, снаряд летит, - повторяет майор, - и что?

- Как что, товарищ майор, летит и траекторит-да... А что ему еще делать? Он ведь из гаубицы вылетел!

- Не знаете! Меня не слушаете и много разговариваете на занятиях. Попробуйте своими словами рассказать, не давая точного определения, что такое траектория? - отрубил майор Шипулин.

Мамедов молчит и ждет подсказки. Все молчат, лишь стоящий рядом Вакуров подсказывает: «Идиот, это - воображаемая линия...».

- А-а-а! Знаю, товарищ майор, этот идиот снаряд летит, и что-то себе воображает, наверное, траекторию.

- Курсант Мамедов, ах, курсант Мамедов, сколько раз я уже объяснял, что траектория - это воображаемая линия полета снаряда. Представляете?

- Нет, товарищ майор, не представляю, как снаряд может воображать.

- Да не снаряд, а вы представляете себе воображаемую линию... Представьте себе, что летит комар и делает по-маленькому. Что вы увидите? - спрашивает майор.

- Ничего! - Комар по маленькому не делает, товарищ майор, тем более на лету - бодро отвечает Мамедов.

- Нет, вы только себе представьте.

- Не могу, потому что у него слишком маленький, этот... Вах! забыл. А-а-а! - мочевого пузыря.

- Повторяю еще раз для особо одаренных. Представьте себе, что летит бык, - не унимается майор.

- Разве бик может летать? - спрашивает Мамедов.

- Нет, но вы себе представьте, отвечает майор.

- Если бик, товарищ майор, будет летать и делать по маленькому, то будет целый дождь, поэтому бик не летает.

- Ну, все, курсант Мамедов, о вас все понятно. Покажите хотя бы где у ствола ось?

- Есть, товарищ майор! - Это - запросто-да.

Мамедов подходит к стволу и видит, что там почему-то к стволу крестом наклеена черная нитка. Он посмотрел в ствол, - темно. Затем подошел к казенной части, открыл ее и посмотрел на просвет. Там также крестом были наклеены черные нитки. Мамедов стал внимательно всматриваться в ствол. Он вертел головой то влево, то вправо, нагибался, пытался что-то пощупать, но злосчастной оси там так и не увидел. Тогда он снова подошел к стволу и заглянул в него. В стволе было пусто. Интуиция на этот раз подсказывала ему, что ось, по всей видимости, из ствола убрали или сперли. Испарина покрыла его небольшой, густо покрытый пышной шевелюрой лоб.

- Так, где же у ствола ось, курсант Мамедов? - многозначительно задает вопрос майор Шипулин.

Мамедов вновь заглядывает сначала со стороны ствола, а затем и казенной части, сверля пристальным взглядом пространство ствола. Не найдя там злополученной оси, он, недоуменно пожимая плечами, а затем его словно насквозь пронизывает, как кумулятивный снаряд танк, гениальная мысль, и он отвечает:

- Товарищ майор, нет оси!!! Клянусь мамой, - совсем нет ни какой оси. Я же говорил вам. Наверное, ее кто-то спёр. Клянусь мамой!...

ШИНЕЛЬ



Устав в армии - как шахтная крепь: убери – и шахта завалится. Положено по уставу, чтобы от пола до полы шинели было 28 сантиметров, значит так и должно быть. А что делать, если на складе шинель выдали не по росту?

Правильно, обрезать! Но тут, как говорится в русской пословице: семь раз отмерь,.. прежде чем отрезать. При этом лучше, чтобы кто-то отмерял, а кто-то отрезал. Но, как показала жизнь и тут есть свои исключения.

Получили мы на складе еще в Новосибирске парадные шинели. Сели они на нас, как влитые, но одна беда: от пола до полы было сантиметров 12-15. Решили при случае провести им обрезание. Потом как-то забыли про них, а тут на праздник, посвященный Дню Советской Армии, нужно было явиться в парадной шинели. Решили вечером в общежитии привести их в соответствии с уставом. Жили мы в гражданском общежитии. Нам - офицерам, выделили одну комнату на двоих. Комната могла принять и четверых. Но простор никому еще не мешал.

В один из предпраздничных вечеров пришлось задержаться в части по причине дежурства. В общежитие явился уже около 24-00. Открыв дверь, обнаружил, что друг Анвер, одетый в парадную шинель нараспашку, под которой были видны его

черные сатиновые трусы, аж по самые колена, вышагивал, как на плацу, в своих хромовых сапогах.

- Анвер, ты что, к параду готовишься, почему не спишь? - спрашиваю его.

- ВВах! Слюшай, я уже целый час хочу шинель резить, но не могу-да. Понимаешь, если линейка держу, руки на ножниц нету, если ножниц держу и шинель, линейка нечем держат. Слюшай, помоги-да, - отчаянно попросил Анвер.

- Это запросто, только дай раздеться, я тебе в миг обрезание шинели сделаю. Я сам привык себе все подшивать, сделаю по высшему классу, не переживай.

- А я уже совсем не знаю что делать, слава аллаху, ты пришел, - обрадовался Анвер.

Быстро раздевшись, взял линейку и ножницы, с видом портного стал измерять расстояние от пола до полы шинели.

- Так, Анвер, нужно 28 сантиметров, а мы имеем 15, следовательно, нужно отрезать 13. Но если отрезать по 13, то нужно это чем-то отметить. Мела нет, чтобы отметить, поэтому давай резать будем сразу на весу.

- Харашо будэт? - спрашивает Анвер.

- Не сомневайся! Все будет как в лучших европейских ателье. Так, прикладываем линейку и режем.... Х-м-м! Не получается так. Может по-другому?

- Давай я буду резить, ты держи линейку, - подключился к решению проблемы друг.

- Хорошо, спереди ты отрежешь, а сзади, Анвер, как? Линейку держим одной рукой, а ножницы другой.... Анвер, шинель ходуном ходит, гибкая она,

если ее не держать, то я не отрежу. Давай так: ты держишь линейку, а я полы шинели, и ножницами отрезаю столько, сколько надо.

- Слушай, маладэц! Как я сам раньше до этого не догадался-да? Правильно говорит русский пословиц: один башка хорошо, а две - лучше. Он нагнулся, приложил линейку к шинели и приказал: «Давай, резий!».

Я с большим энтузиазмом, хотя и был сильно уставшим после дежурства, стал резать полы шинели, а Анвер передвигать линейку, держа её на заданной отметке и, вырисовывая вокруг себя округность, похваливал:

- Ай, маладэц. Теперь я буду парадный шинель ходит, как настоящий афицер, а то в этом спеце я как партизан. Даже как-то неудобно-да.

Спецом мы называли верхнюю одежду в виде ватной куртки, утепленную изнутри, с капюшоном и «намордником» - в случае пурги. В нем было удобно и тепло, поэтому все офицеры привыкли к нему и предпочитали в будничные и праздничные дни ходить в нем.

Когда счастливый от произведенной операции Анвер встал в полный рост, шинель ему была выше колена, из под которой виднелись его черные сатиновые офицерские трусы. Он был похож, при его широкой талии, на деревенскую бабу в тулупе, у которой полы расходились во все стороны, как у балерины пачка. Мы не учли, что, согнувшись над линейкой, Анвер уменьшил свой рост, и я отрезал больше, чем положено.

- Вай! Вай! – Што ти наделал? Это што, шинел? Слуший, как я буду на парад ходит, я афицер или какой-нибудь старушка-баб? Ти куда смотрел? Правильно говорит один русский пословиц: «Один раз резий, но семь раз мерий». А другой хороший пословиц говорит: «Заставь его аллаху молица, он свой башка разобьет». Вай! Вай! Што ти-и-и на-а-а-де-е-е ла-ал? – Причитал он.

- Слушай, Анвер, что же ты не подсказал, что не так надо было отмерять, я ведь пришел уставший и, честно, все уже делал на автопилоте. А, вообще-то, тебе такая шинель идет, не переживай! Она, во-первых, стала легче, полы не мешают ходить ... Просто красавец мужчина!...

Прошло немного времени. После парада на плацу счастливый Анвер подошел ко мне и прокомментировал:

- Представляешь, слушай, такой шинел! Очень удобный стал-да, мне совсем не мешает ходит, ноги не переплетаюца, как раньше, легкий стал. Слуший, ты правильно сказал, что харашо будет. Шинел теперь мне понравился.

С тех пор он с удовольствием носил парадную шинель с парадным поясом на всякие праздники, вызывая улыбку у сослуживцев.

Воронья слободка



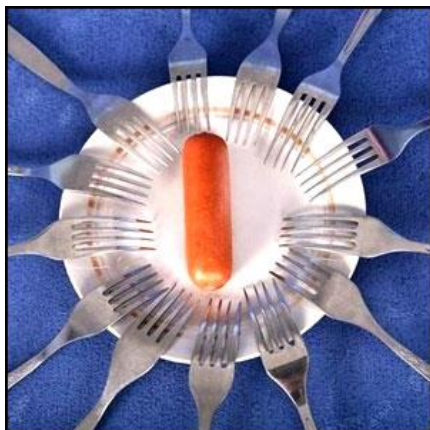
Большой город - это своеобразная шкала контрастов. Здесь богатство соседствует с нищетой, гениальность - с глупостью, безысходность с многообещающими перспективами.

Красноярск в этом аспекте - не исключение. Город контрастов.

Пятиэтажное семейное общежитие одного из крупнейших заводов города, внешне ничем не примечательное, поглощало отвергнутых и "безнадежных", как Панас галушки. Оно было выполнено в виде типовой коробки: два подъезда и стены с огромным количеством амбразур подобных окон, из которых висело огромное количество авосек с продуктами в стиле "и у нас есть что есть".

В общежитии, как в хранилище, была упакована почти сотня обычных судеб семей работников этого завода. Среди жителей этой клоаки пятый этаж имел особое название - "Воронья слободка". Ее обитатели - рабочие, живущие от полочки до полочки, бывшие ИТРовцы, бичи и бывшие десантники, пропившие почти все, не работавшие нигде, и каким-то образом удержавшиеся в ведомственной общежитии, бурно влачили свое жалкое существование за счет помоек и прочих окрестных достопримечательностей этого богатого и непричесанного архитекторами города. Но

главное, около помоек всегда можно было собрать бутылки, ибо жители города уважали традиции и зеленого змия. Как в сказке о неразменном рубле, здесь достаточно было собрать и сдать бутылки, чтобы купить новые, затем пропить и снова сдать их, соблюдая законы сохранения и дособрав необходимое и достаточное количество до константы, т.е. чтобы на троих было всегда три рубля.



Аборигены Вороньей слободки давно потеряли всякие надежды на получение своей квартиры, а потому жили в своем виртуальном мире и любое нарушение привычного ритма, воспринималось ими как долгожданный прилет инопланетян к

землянам, с которыми быстро устанавливался контакт, и, которые с первых дней своего пребывания в "Вороньей слободке" тестировались на благонадежность несколькими простыми, как сибирские валенки вопросами: «С нами бушь? - Не? Тады займи трояк до завтра!"

Так случилось, что в начале самого холодного времени - в феврале пришлось срочно менять квартиру. На все поиски было всего пару дней, а потом нужно было ехать в командировку на пару недель с заездом к научному руководителю в Новосибирск. Через знакомого удалось узнать, что в

общаге есть пустая, без особых удобств комната его знакомых, которые за 40 рублей в месяц могли бы ее сдать. Сорок рублей - это почти половина аспирантской стипендии 86 рублей. Одиннадцать рублей в Томск туда и одиннадцать обратно, в Новосибирск туда и обратно 28 в месяц. Благо на полставки работал в п/я, где платили 60 рублей. Но делать нечего: битие бытия без лишних эмоций определяло сознание. В тот же день перевез свои пожитки и спортивную раскладушку, пишущую машинку, чемодан с одеждой, 19 связок с книгами и папками с рабочими материалами, складные полки и пару ящичков с набором инструментов и разных заготовок. Перевез, протестировался и в тот же вечер уехал в командировку.

После возвращения из командировки сразу же обустроил комнату, осмотрелся. Особенно понравился вид из окна: четко, как в телевизоре, сквозь стекло был виден городской трамплин и покрытые снегом сады. Но любоваться достопримечательностями было некогда - нужно было бежать в лабораторию, после которой возвращался уже в темное время. Поработав до часа ночи, разложил свою спортивную раскладушку, застелив ее простыней, т.к. не было матраца, да и, чтобы не расслабляться, положив подушку, и сварганив из одеяла спальный мешок, крепко уснул. Утром не хотелось вставать - бодрящая холодина со всех сторон шептала на ухо, - "ну полежи еще немного", а сознание давало установку: «Не расслабляйся, часы аспирантские тикают, как таймер в адской машине...". Профукал - взорвался.

По армейской привычке, как автомат Калашникова, выскочил из мешка и через полчаса уже бежал на троллейбусную остановку.

На следующий день все вновь повторилось.

Но ночью был сильный мороз, да такой, что в комнате пахло законной свежестью. Пришлось встать намного раньше, и когда показалось яркое зимнее солнышко, решил полюбоваться видами из окна.

Вновь поразила чистота изображения вида из окна. Опустил чертежную доску, которая была прикручена на петлях к подоконнику, подошел к окну. Вид был потрясающий, от которого несло бодрящей свежестью и какой-то внутренней радостью. Хорошо-то как!.. И до того залюбовался, что инстинктивно голова стала поворачиваться то влево, то вправо, чтобы обозреть всю живописную картину.

- Лепота! - Хоть комната и неприглядная, без удобств, но вид-то, вид-то какой. Картины бы писать... Хоть в этом повезло, - само-собой вырвалось вслух. Но подсознание тут-же по обратной связи подсказало: "Что ты башку свою из окна высовываешь, не ровен час стекла ею пробьешь".

О мама-мия! Меня как холодной водой обдало: стекла-то в окне нет! Это я двое суток с разбитым окном. Вот откуда этот жуткий холод при раскаленных батареях. А всё привычка - сразу снимать в комнате свои очки и не обращать на бытовые неудобства.

Через десять минут вместо стекол на кнопках прикрепил двойной слой тушевой кальки и уже через полчаса в комнате был «ташкент».

Ночи, надо сказать, в Вороньей слободке проходили бурно, и не только в "научных" дебатах на кухне, расположенной против моей двери, но и в непрерывных поисках "горючего" его утилизаторами, которые поглощали ее, как черная дыра материю. После вечерних научных дебатов на кухне, с полком, как правило, летела всякая утварь, а оппоненту дружно били морду, если последний не находил убедительных научных аргументов на возражения большинства. Например, после спора на тему: «Что будет с трудящимися, если Горбачев вырубит все виноградники, что народ пить-то будет?», - соседу Коляну, несмотря на то, что он занял у меня для общины три рубля, подбили глаз так, что он и без повязки смотрелся адмиралом Нельсоном. А пострадал всего-то - за логику, которой он привык строго следовать: во-первых, Горбачева на всех виноградников не хватит, а во-вторых, его к тому времени уже скинут. После бурных дебатов дружно добивали оппонента, допивали все, что было и дружно расползались по своим коморкам.

Шума в слободке не любили: я был сразу предупрежден, чтобы после семи вечера не печатал на своей машинке, ибо после рабочего дня рабочему классу нужно сосредоточиться, интеллектуально отдохнуть в тишине, посмотреть телевизор, расслабиться и подготовиться к следующему рабочему дню, а машинка их "долбает по мозгам", особенно того, у кого они есть.

Слышимость, надо сказать, была отменная - перегородки между комнатами деревянные, поэтому в каждой комнате было слышно все, что делалось в остальных пяти.

Третья ночь началась с того, что все мое тело охватил какой-то зуд, тело чесалось, появился какой-то неприятный запах. В два часа ночи пришлось встать и обнаружить, что вся моя простыня была в кровавых пятнах, а тело расчесано до крови. Неприятная мысль о возможной чесотке, которую негде даже было подхватить, не дала заснуть до утра. В лаборатории поделился сомнениями со своим коллегой аспирантом.

- Ба! Да это-ж клопы, обыкновенные сибирские клопы. - Это чё, у вас на Кавказе их нет, что-ли?

- Да я и в глаза не видел что это за твари, - отвечаю ему. Тут-то он поведал жуткие истории про сибирских клопов. Нужно было принимать меры. С отравой для клопов в те времена всеобщего дефицита было туговато: на народ многого чего не хватало, а тут еще на этих тварей тратиться. Пришлось придумывать различные зонтики, круги из порошка медного купороса, как в фильме про гоголевского Вия. Не знаю, помогало ли это травить их, но что меньше их стало - так это факт.

Каждый вечер аборигены слободки подносили "сюрпризы", причем настолько не программируемо.

Больше всех в слободке доставалась Коляну, которого постоянно за что-то били. Десантник по вечерам часто после бормотухи на нем показывал всем приемы, которым его обучили в армии. У него была одна большая извилина – от головы до бедер,

поэтому его разговор был похож на отдельные команды.

Сосед справа не отличался уживчивым характером. Он был до помрачения ума занудой. Одну и ту же фразу после выпивки мог твердить в течение длительного времени. Вот и в этот раз, после того, как его сожительница целый день с Коляном беседовала за бутылочкой чернил, Семен, вернувшись с работы, обнаружил, что она уже не вяжет лыка. Не долго думая, Семен раздевает сожительницу до наряда Евы и выталкивает за дверь, чем сразу привлек всех «любопытных» слободки. Ее обитатели выскочили из своих комнат и стали наблюдать лицедейство. Обнаженная "Маха", видя такое дело, начинает стучаться в пригревшую её дверь со словами: «Сема, а Семен, - пусти ради бога. Стерва я, конечно, подзаборная, но с Коляном я ни-ни, тебе даже в мыслях не изменяла, потому как люблю тебя и только тебя, Сема, милый». А далее шел не передаваемый современным русским языком обвинительный текст в свой адрес.

- Уйди, стерва, потаскушка поганая, твою мать! Иди к своему Колян и с ним,- ровно, с достоинством в голосе пел Семен.

- Пусти, Семен, а? Холодно ведь. Прости, любимый, я ведь не какая-нибудь б... или потаскушка, я порядочная женщина. Я тебе не изменяла с Николаем. Он ведь уже не может, ей-богу, у него от вина уже ничего не работает, пропилил, гад, свое достоинство, а ведь мог бы. Я сама видела, что он не может.

- Уйди, стерва, потаскушка поганая, твою мать! Иди к своему Колянцу и с ним ... Я те, что сказал?

- Уйди, стерва, потаскушка поганая, твою мать! Иди к своему Колянцу и с ним ...,- ровно и занудно, как испорченная пластинка, пел Семен.

Минут через сорок Семен сжалился и впустил блудницу и часа полтора читал ей мораль, как заезженная пластинка.

Как-то к вечеру, когда еще не вся слободка успела вернуться в родные пенаты, сосед Николай решил принять душ после очередной дозы "чернил". Душ не был занят, а потому он что-то мурлыкая себе под нос, быстро занял "душевую" и начал процесс мытья собственного тела. Надо сказать, душ - это всего лишь бывший туалет, из которого убрали унитаз и подвели две трубы - холодную и горячую на уровне пупка, снабдив их общим смесителем и раковиной. Потом убрали раковину, а смеситель оставили на прежней высоте. Теперь, чтобы "принять душ", купающийся должен был встать на корточки и мыться в таком положении, иначе он вымывал бы только нижнюю часть тела.

Николай мылся и что-то по-прежнему мурлыкал себе под нос, не обратив внимания, что его мочалка закрыла отверстие слива и вода быстро наполнив выполненный из кирпича бордюр, стала переливаться через него и заливать четвертый этаж.

Через минут двадцать в секцию стали стучать разъяренные жители комнаты, которая находилась под душем. Семен открыл защелку секции и мужчина с женщиной, кроя всех семиэтажным отборным матом, побежали к душевой и стали колотить по

двери руками. Это были пострадавшие. Мужчина схватился за дверную ручку и силой рванул на себя. Дверь легко открылась, ибо не была заперта. Испуганный Николай, намыленный с ног до головы и стоявший на корточках в непотребной позе, направив свой зад на не прошеных посетителей, спросил: А вам чего? - Дверь закройте, дует ведь, не видите, что я тут купай-йюсь, с икотой произнес он, пытаюсь развернуться головой к двери.

- А - а - а! Купаешься, падла, и не знаешь, что залил наш шифоньер с дорогой одеждой. А ну, давай иди, вытирай воду, и возмести нам ущерб.

- Да чего вы, ребята, у меня выпить-то не на что, а вы с меня гроши требуете. Я не виноват, я никого не заливал, будьте людьми, дайте мне докупаться и одеться.

- Ах, докупаться!? В морге тебя докупают и оденут, а сейчас ты, сволочь пьяная, пойдешь с нами и все вытрешь. Муж с женой схватили Николая за ноги и стали вытягивать из душевой. Николай, вырываясь из их рук, вопил обреченно: " Чё вы делаете, сволочи? Чуть что, так сразу Николай! Что я вам, косою, что ли?". Он еще что-то мямлил про человечность, цепляясь за трубы, и минуты две не поддавался тянущим его за ноги пострадавшим. Наконец его вытянули из «душа» голого - в чем мама родила. Испуганное небритое лицо и мыльная пена на голове и на теле делали его подобным чучелу, покрытого снегом. Николай лягнул, как молодой жеребец пострадавшего и на коленях быстро прополз в кухню, сверкая своим мокрым задом, в котором слегка отражалась лампочка кухни, бурча при этом себе что-

то под нос о своей несчастной судьбе. Ему бросили его трико и рубашку, которые он надел на голое тело и отправился, бурча, вместе с пострадавшими на четвертый этаж, где ему всучили тряпку, и он целый час все приводил в порядок. А вечером все обсуждали случившееся и смеялись над Николаем. Мужик он был честный, но слабохарактерный и, действительно, несчастный. Это был единственный человек в слободке, у которого высшее образование оставило неизгладимые отпечатки нерастворенного еще алкоголем интеллекта. Он окончил институт, работал инженером-механиком, женился. Его жена после защиты диссертации «спуталась» с доцентом и ушла от Николая. Он запил, а потом устроился шоферить, но и здесь его карьера очень быстро закончилась, пришлось уйти и устроиться сторожем на заводе.

Каждый вечер «воронья слободка» преподносила «сюрпризы». Вот и новая ночь грозила быть беспокойной. К соседу Григорию пришла теща, чтобы поговорить как следует с гулящем зятем, который изменял ее Зинке и иногда прикладывал кулак. А в этот вечер несколько задержался и явился в слободку аж в 3 часа ночи, разбудив всех. Теща закрылась изнутри, заняв круговую оборону.

Григорий, еще находясь под хмельком, не долго думая, стал тарабанить в дверь и кричать, чтобы Зинка открыла дверь. Но в ход тут-же пошла тяжелая артиллерия.

- Ты, сволочь гулящая и ... далее непереводаемый на нормальный язык семиэтажный мат.., до каких это пор будешь обижать мою дочь? Да я тебе, алкаш несчастный, за нее оторву все, что у

тебя имеется и скажу, что так и было. Если еще раз поднимешь на нее руку, убью, твою мать! Ты не думай, что на тебя управы нет. Найдется!

- Ты чё, старая карга, сюда приперлась? Ты чё разоралась, людям спать не даешь? Да я с тобой и говорить не хочу! Позови Зинку! Зинка, слышь, открой, я тебе приказываю! Муж я тебе или нет?

- Я тебе поприказываю, - инпотент несчастный, - парировала теща...

- Зинка, слышь, открой! Я пришел домой, я ведь тебя люблю, открой, дура!

- Где был, туда и возвращайся, - ответила Зинка.

Во всех комнатах уже все проснулись и прильнули к дверям, - что было ясно по скрипу полов, всем было жуть как интересно, кто выигрывает в этой баталии: зять или теща.

- Зинка, я прошу, открой! А-а-а -!!! Не хочешь, стерва, так я всем расскажу, что до меня у тебя был любовник грузин, пусть все знают, какая ты проститутка и...

- Ты, мразь такая, сморчок недоделанный, еще оскорбляешь мою дочь? – громыхнула в ответ теща. Ну, за это я глаза тебе выцарапаю и всем расскажу, что ты ин-па-тент, - чеканя каждый слог, пропела теща, - и поэтому ходишь на сторону... Твою мать, я выведу тебя, на чистую воду и, только попробуй поднять руку на дочь, придушу, иуда.

- Зинка открой, ведь ты у меня, стерва, единственная, я как жисть свою тебя люблю, открой и не слушай эту старую кошёлку...

- Ах, я кошелка? – возмутилась за дверью теща. Да за мной мужики табунами ходят, дубина ты неотесанная, да я на вид моложе тебя, хрен собачий...

- Ты, старая ведьма, еще слово и я за себя не ручаюсь, убью...

- Зин, а Зин, открой... У нас ведь семья, дочка, или, ты, стерва подзаборная, пока я был на работе, уже здесь со всеми мужиками переспала? Узнаю, убью!

Эта перепалка продолжалась еще полчаса. Теща, уже зевая, посылала еще в адрес зятя проклятья. Но постепенно баталия стала затихать. По скрипу полов, доносившихся из всех комнат, стало ясно, что соседи пошли укладываться спать во второй раз. Григорий прилег на коврик у своей комнаты и, как бездомный пес, свернувшись калачиком, скоро захрапел. Нужно было набраться новых сил, ведь еще утром его ожидало продолжение высокохудожественного разговора с тещей и женой. Воронья слободка сладко засыпала, получив избыток информации, которую завтра они будут обсуждать до хрипоты на кухне. И так каждый день. И не понятно было, ради чего эти люди живут, что хотят от жизни, пытаются что-либо изменить в ней и видят ли они хоть какой-то просвет? За годы кочевой жизни приходилось видеть и не такое. «Ломка», которую нам устроили разные гайдары и ельцины, в первую очередь коснулась особенно неприспособленных к изменениям людей. С этими мыслями заснул и я. А через четыре месяца, найдя квартиру в Красноярском академгородке, по соседству с В. Астафьевым, я покинул Воронью слободку, приобретя опыт жизни

«на дне» и оставив в своей памяти печально-веселые воспоминания о её жителях.